

ОБ ЭТОМ артисте всегда говорят, прибавляя имя партнера, потому что именно Льву Борисовичу Мирову принадлежит честь утверждения на эстраде жанра так называемого парного концерана.

Начало было положено еще в двадцатые годы, когда Л. Миров возглавил труппу передвижного театра «Ревю» (это расшифровывалось как «революционный юмор»). Вместе с артистом Е. Ефимовым он вел тогда одну из программ. Миров играл начальника станции Ивана Ивановича, его партнер — стрелочника Сенечку Редькина. И позже, перейдя на эстраду, Миров решил продолжить поиски в области эстрадного дуэта, применив его в сфере концерана.

Надо сказать, встречено подобное было скептически: зачем концерировать вдвоем, когда это вполне может делать один. И только молодой концерансе Е. Дарский, коллега Мирова еще по «Синей блузе», решился попробовать. В результате сложился на редкость удачный дуэт.

Когда Миров и Дарский появлялись на эстраде и обменивались двумя-тремя репликами, создавалось впечатление, что разговор начался еще за кулисами, а теперь на сцене артисты продолжают его. Дарский играл роль учителя, а Миров — ученика, осваивающего мастерство концерана. Репертуар для них, как впоследствии для Мирова и Новицкого, писали разные авторы, в том числе и сам Миров. «Настоящий артист-разговорник обязательно является соавтором писателя, текст которого он произносит с эстрады» — очень справедливо сказал писатель В. Ардов. И характерно, одна из лучших интермедий, исполнявшихся Мировым и Дарским, — «Танец или пение», сочинена Львом Борисовичем. Приведу диалог, происходящий здесь между «учителем» (Дарский) и «учеником» (Ми- ров):

ДАРСКИЙ: Ну, так что же сейчас будет показано: танец или пение?

МИРОВ: Надо это дело обмозговать.

ДАРСКИЙ: Вы что, маленький, не понимаете простых вещей? Что сейчас показывать?

МИРОВ: То, что лучше.

ДАРСКИЙ: А что лучше? **МИРОВ:** Видите ли, товарищ Дарский...

ДАРСКИЙ: Без лишних разговоров, Миров, танец или пение?

МИРОВ: Вот правильно поставленный вопрос. (Решительно). Танец... (растерянно) или пение.

ДАРСКИЙ: Не уйдете отсюда, пока не ответите на этот вопрос.

МИРОВ: Хорошо, я скажу. Со всей ответственностью скажу. Скажу хорошую точку зрения. Пойдите... Но ведь это моя точка зрения... Значит, она субъективна... Как же быть?..

Во время этого разговора Дарский все более накалялся, Миров же терпелся, смущался. Так рождался в сатирической сценке образ человека до крайности нерешительного, осторожного, боящегося высказать свое мнение даже по пустяковому вопросу.

В начале 50-х годов, после смерти Дарского, Миров начал искать нового партнера. Выбор остановился на Марке Владимировиче Бруке (он выступает под псевдонимом Новицкий). С первых же совместных репетиций артисты стали искать новые маски, новую форму, характер взаимоотношений. Сначала зрители увидели Мирова в новой для него роли — учителя, Новицкий же стал учеником. Позже они от этого отказались и стали выступать в самых различных амплуа.

Однако характеры их «героев» точно определены: Новицкий играет умного, сдержанного, иронического и снисходительного к слабостям своего партнера человека. Миров — напористого, нахрипистого, убежденного в своей всегданней правоте, в то же время трусливого, завистливого.

Даже внешний облик

люди искусства

ТРУДНАЯ ПРОФЕССИЯ

Юрий ДМИТРИЕВ

артиста трансформировался: прежде для мирового персонажа был характерен робкий наклон головы. Теперь было что-то вызывающее в его осанке, взгляде, презрительной улыбке. В то же время он умеет на несколько мгновений как бы выйти из образа и взглянуть на создаваемый им характер со стороны, лукаво улыбнуться, подмигнув зрителям: смотрите, дескать, какие еще типы встречаются, но ведь в наших условиях они выглядят не столько страшными, сколько смешными.

Постепенно, по мере того как репертуар расширился, изменялись взаимоотношения артистов. Они оказывались в самых различных ситуациях. Миров, например, начальник речной спасательной станции, который больше всего боится ответственности (интермедия В. Дыховичного и М. Слободского). Без согласования с руководством он не может даже бросить тонущему спасательный круг: вытацишь — себя утопишь.

В сценке В. Ворончука и Н. Гальковского Новицкий докладывает Мирову, что Ольга Петровна хочет выступить в концерте как можно раньше, так как она спешит в гости. Однако тогда интересы программы пострадают. И тут Миров начинает хорохориться: я ее проучу... Но выясняется, что Федор Семенович из управления — дядя Ольги Петровны. Значит, надо изменить порядок номеров. Что? Николай Петрович не соглашается выступать после Ольги Петровны, а у него дядя в министерстве? Так бы и запутался Миров между двух дядей, если бы не узнал, что дядя Новицкого занимает еще более высокий пост. И тогда решительно приказывает:

— Никаких поблажек! Нас дядей не испугаешь. У нас у самих... (С испугом и недоверием обращаясь к Новицкому). Нет, серьезно, у вас дядя в министерстве?

— Я же вам сказал.

— У нас самих дядя, объявляйте номер!..

В каждом жесте Мирова, в том, как он говорит, как слушает своего партнера, — характер его героев, их настроение, их внутренняя сущность. А вспомните знаменитый мировский хохоток, выявляющий широкую амплитуду чувств: и презрение, и хвастовство, и возмущение, и подобострастие, и нахальство, и самоуверенность, и угодливость.

Одну из своих заметок Миров назвал: «Я — отрицательный персонаж». И действительно, в большинстве

случаев он действует как отрицательный персонаж. Однако, убедительно разоблачая отрицательных персонажей, Миров при помощи Новицкого выступает против обывательщины во всех ее проявлениях и прежде всего против стремления обывателя поменьше дать обществу и побольше урвать для себя.

Мировские «герои» почти всегда мрачны: красота жизни, любовь, а уж тем более счастье других их волнуют мало. Они все время думают, как бы не прогадать, никому не верят, всех подозревают и каждого готовы обмануть.

«Мы считаем своей обязанностью», — писал в своей статье Лев Борисович, — прививать зрителям нормы советской морали: учим подходить к любому факту с гражданской позицией, коротче говоря, служить народу».

Сказанное не означает, что эти артисты постоянно прибегают к дидактике. Напротив, этого, как правило, не бывает, но они убедительно показывают отрицательных героев, делая их смешными и жалкими.

В 1961 году Миров и Новицкий вместе с режиссером А. Конниковым организовали мюзик-холл, второй постановкой которого было обозрение В. Дыховичного и М. Слободского «Москва — Венера — далее везде». Несмотря на наличие хорошего балета, первоклассных номеров, сценических эффектов, талантливо поставленного спектакля, все-таки именно Миров оставался в центре обозрения.

Обаяние Мирова ощутил каждый, кому посчастливилось встречаться с этим артистом в жизни. Редкая общительность, редкая доброта. Лев Борисович, как говорится, «остер на язык», но любит шутить, хотя, между прочим, считает свою профессию очень серьезной. Поэтому глупой шуткой его не прймешь.

Авторы, работающие с Мировым, очень хорошо знают эту черту и жалуются на его требовательность. Однако все с огромным удовольствием, увлеченностью создают для него сценки, интермедии, репризы, так как уверены, что художественный результат будет весьма благоприятным.

На днях Льву Борисовичу исполнилось 70 лет. Как положено в этом возрасте, он любовно заботится о своих внуках. Но вот относительно того, чтобы им продолжить династию артиста-сатирика, серьезно задумывается. Уж больно трудная профессия.

Фото Ю. Зенковича.